

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СЛОВО ГОГОЛЯ

© 2019 г. И.А. Виноградов

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 11 октября 2018 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209

Аннотация: К числу «сквозных» и «узловых» тем гоголевского творчества, никогда не привлекавших к себе внимания, принадлежит вопрос об отношении писателя к типам так называемых «лишних людей». На основании анализа целого ряда художественных и публицистических произведений Н.В. Гоголя впервые исследуется его типология «огорченного человека» — литературного современника «лишних людей» Онегина и Печорина, героев М.Ю. Лермонтова, Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева и др. К изучению «хрестоматийной» темы, традиционно являющейся предметом школьных сочинений, предлагается новый историко-литературный контекст и углубленное прочтение. В основе ставшего давно рутинным подхода в освещении темы «лишнего человека» лежит известное высказывание В.Г. Белинского о Евгении Онегине как «эгоисте поневоле» — человеке, якобы ограниченном в своем развитии отсутствием достойного поприща. По убеждению Гоголя, проблема заключается не в коренных несовершенствах политической системы общества, но в необходимости духовного и профессионального возрастания духовных «недорослей», представителей многочисленной гоголевской галереи «мертвых душ».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, биография, творчество, интерпретация, герменевтика, автобиографизм, типология героя, «лишние люди», полемика, общественная идеология.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-9151-4554

E-mail: iwiniogradov@mail.ru

Для цитирования: Виноградов И.А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 188–209.
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209

“SUPERFLUOUS MEN” IN RUSSIAN LITERATURE: GOGOL’S VIEW

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. I.A. Vinogradov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Received: October 11, 2018
Date of publication: September 25, 2019

Abstract: Among the hitherto understudied “key” concerns of Gogol’s work is the author’s attitude to the types of the so-called “superfluous men.” This essay analyzing a number of Gogol’s fictional and essayistic works, for the first times delineates his typology of the “grieving man” – a literary contemporary of “superfluous men” represented by Onegin and Pechorin as well as other characters by M.Yu. Lermontov, N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, A.I. Herzen, N.A. Nekrasov, I.S. Turgenev and others. The essay offers a new historical and literary context and techniques of close reading to the study of this canonical theme that has been routinely included as a student’s paper topic in the class. The long-established routine of studying the “superfluous man” stems from the well-known statement of V.G. Belinsky about Eugene Onegin as a “selfish willy-nilly” – a man allegedly limited in his personal development due to the lack of professional realization of his potential. According to Gogol, the problem is rooted not in the imperfections of the political system but in the need for spiritual and professional growth of “ignoramus,” representatives of his gallery of the numerous “dead souls.”

Keywords: N.V. Gogol, A.S. Pushkin, V.G. Belinsky, F.M. Dostoevsky, biography, creativity, interpretation, hermeneutics, autobiography, typology of characters, “superfluous men,” controversy, social ideology.

Information about the author: Igor’ A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-9151-4554

E-mail: iwinigradow@mail.ru

For citation: Vinogradov I.A. “Superfluous Men” in Russian Literature: Gogol’s View. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 188–209. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209

Хрестоматийная, «школьная» тема «лишних людей» в русской литературе уже не одно десятилетие пребывает в застое. Важность и самый масштаб ее переоценить трудно. С ней связана целая плеяда «знаковых» литературных образов нашей словесности: пушкинские Алеко и Онегин, лермонтовский Печорин, «новые люди» Н.Г. Чернышевского, «подпольный человек» Ф.М. Достоевского, герои А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева и др. Между тем по давней традиции эта тема рассматривается крайне односторонне. Никаких новых шагов в изучении этого немаловажного вопроса не предпринимается. Устоявшийся шаблонный взгляд существенно сужает кругозор восприятия одной из «сквозных» и наиболее актуальных тем нашего литературного наследия.

В основе ставшего вполне рутинным подхода в освещении темы «лишнего человека» лежит давнее высказывание В.Г. Белинского о Евгении Онегине как «эгоисте поневоле» — человеке, якобы ограниченном в своем развитии отсутствием достойного поприща: «Не натура, не страсти, не заблуждения личные сделали Онегина <...>, а век. <...> ...Онегин не принадлежит <...> к <...> разряду эгоистов. <...> Его можно назвать *эгоистом поневоле*... <...> Благая, благотворная, полезная деятельность! Зачем не предался ей Онегин? <...> ...Но что бы стал делать Онегин в сообществе с такими прекрасными соседями?..» [4, с. 455, 458–459].

Именно апологетическое истолкование Белинским онегинского «эгоизма» (как вынужденного) стало на целые полтора столетия главным оправданием так называемых «лишних людей» — талантливых одиночек, будто бы лишенных возможности реализовать себя в «удушающей» обстановке «николаевского времени». Причем речь об «одиночках» при

разговоре о «лишних людях» носила вполне условный характер. Ощутить себя избранником, задыхающимся в затхлой политической атмосфере, представители радикальной критики предлагали всем без исключения. Белинский аналогичными причинами — отсутствием поприща, пресловутой «общественною средою», препятствующей «развитию» народа по западноевропейским меркам, — объяснял даже досадную «отсталость» героев гоголевских «Мертвых душ»: «Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет» [3, с. 359–360].

Наибольшую остроту обсуждение проблемы «лишнего человека» приобрело к концу XIX в. Ожесточенные споры в предреволюционные годы о «лишних людях» стали, по сути, спором об исторической России и самой возможности ее существования. В этих словесных баталиях впервые обнаружилось и решающее значение наследия Гоголя в осмыслении проблемы «лишнего человека».

В 1880 г. публицист А.Д. Градовский, идейный продолжатель Белинского, подвергнув критике речь Достоевского на Пушкинском празднике, писал: «...Гоголь — великая оборотная сторона Пушкина. Он поведал миру, отчего бежал к цыганам Алеко, отчего скучал Онегин, отчего народились на свет “лишние люди”, увековеченные Тургеневым. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановские, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины — вот теневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многих иных» [17, с. 1].

Возражая на замечание Градовского, Достоевский в «Дневнике писателя» указывал, что выведенные Гоголем герои отнюдь не являются воплощением коренных русских типов, что это изображение отклонений, «уродств» русской жизни и что такими же отклонениями являются и типы «лишних людей»: «Вы утверждаете, что Алеко убежал к цыганам от Держиморды. Положим, что это правда. <...> А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своем роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. <...> Ведь не можете же вы отрицать, что они почвы не знали, росли и воспитывались по-институтски, Россию узнавали в Петербурге на службе, с народом были в отношениях барина к крепостному. <...> Не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе благороднее, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего» [18, т. 26, с. 156–157].

Спустя десять лет спор был продолжен в полемике В.В. Розанова, еще одного из продолжателей Белинского, с православным публицистом Ю.Н. Говорухой-Отроком (см.: [20; 14]).

Однако, несмотря на трезвые голоса, «старая» Россия после 1917 г. была окончательно обвинена и приговорена, а «страдавший» при «царском режиме» «лишний человек» безусловно оправдан. Гоголевские произведения при этом были однозначно записаны «в пользу» «лишних людей» — как «сатира», обличающая и осуждающая историческую, самодержавную Россию. Естественно, что о гоголевском критическом отношении к радикализму говорить в то время не приходилось.

По явившемуся в печати еще в 1856 г. свидетельству П.Е. Басистова, одного из сотрудников либеральных «Отечественных Записок», «Мертвые Души» в самом деле казались радикалам «самым положительным оправданием Печорина и подобных ему людей тогдашнего поколения» [2, с. 30]. При этом радикальная критика предпочла попросту не замечать, что существует и особое, собственно гоголевское решение проблемы «лишнего человека» и что это решение прямо противоположно радикальным интерпретациям. Гоголь как участник в этом споре был решительно вычеркнут, так что и до сих пор участие писателя в полемике современников о «лишнем человеке» и для науки, и для школьного изучения остается абсолютной terra incognita.

Между тем в гоголевском творчестве эта тема, без преувеличения, — одна из самых востребованных, самых «узловых» и центральных. Традиционно среди многочисленных писательских заслуг Гоголя подчеркивается важный вклад, который он внес, вслед за Пушкиным, в развитие темы «маленького», обездоленного человека. В освещении этой очевидной и бесспорной в гоголевском творчестве темы был, однако, допущен существенный перекосяк. На «выгодной», с точки зрения обличения самодержавной России, теме «маленьких людей» особенно настаивала современная Гоголю радикальная критика, а также литературоведение последующего, советского периода. Долговременная сосредоточенность на этой теме заслонила, однако, от исследователей куда более важную и гораздо более значимую проблему, которую решал Гоголь при создании этого типа. Идеологические препоны отвели внимание критиков от того обстоятельства, что тема «маленького человека» является в творчестве Гоголя лишь одной из составных частей — важным, но частным преломлением — куда более широкой темы

«оппозиционного», «огорченного» человека — одного из представителей обширной гоголевской галереи «мертвых душ». Тем самым в истории русской литературы было пропущено чрезвычайно важное звено. Именно этот — оставленный без внимания — гоголевский тип «огорченного человека» связывает собой целую плеяду типов «лишних людей» — Онегина, Печорина, героев Чернышевского, Достоевского, Тургенева. Оригинальный вклад Гоголя в антропологию, его открытия в области типологии человека, остались невостробованными.

Пожалуй, вполне «наглядно», прямо «на поверхности», тема «лишнего человека» являет себя у Гоголя во втором томе «Мертвых душ». Судя по всему, образ «коптителя неба» Тентетникова в его поэме [16, т. 5, с. 372] как раз и призван был, по замыслу писателя, дать собой ответ тем из современников — «лишним людям», — которые в его «сатирических» произведениях находили, вслед за Белинским, оправдание своей оппозиционности и бездействия на поприще служения России.

В критике XIX в. с такой точки зрения гоголевский образ был осмыслен лишь однажды. Господствующим направлением тогдашней журналистики, да и самой науки это открытие было проигнорировано. В чем же состояло это неожиданное открытие. В конце XIX в. критик и историк литературы Арсений Иванович Введенский пронизательно подметил: «Гоголь был слишком реалист и свободен от влияния иностранных героев, чтобы не рассмотреть той фальши, которой облекались пустые Печорины. Каким-то непонятым ореолом непонятных страданий трудно было отвести Гоголю глаза. В самом начале романа пушкинский Онегин и во все продолжение лермонтовского романа Печорин носят на себе отпечаток байронизма, “демонизма”, привлекательной загадочности; у Гоголя нет ничего подобного. В этом и лежит причина, почему Тентетников — такой смиренный и незначительный малый. Гоголь взял самого простейшего из простых образованных людей современной ему России, лишил его всякого убранства человекоубийством и привлекательностью для женщин, поставив его в реальные условия, к окну деревенского помещичьего дома, и заставив смотреть, как дерутся деревенские бабы. Весь байронизм как рукой сняло с загадочного героя. Вышел просто — “коптителю неба”, как его охарактеризовал Гоголь. Неопределенность исчезла, всякому стало понятно, что в Тентетникове не привлекательное зло и не что-либо вроде Печорина, каким является этот

тип у Лермонтова, а просто ни к чему не приспособленный человек, совершенно бессильный в обществе, с нравственными задатками, но не умеющий отстаивать их...» [5, с. 2–3].

Этому в целом верному наблюдению недостает лишь одного. А именно широкого гоголевского контекста — понимания того, что разоблачением душевной пустоты «лишних людей», прикрывающих свою бесполезность мнимой невозможностью проявить себя в «удушающей» среде, Гоголь занялся отнюдь не в последние годы своей жизни. Он приступил к этому уже с самого начала своей художественной деятельности — задолго до работы над вторым томом «Мертвых душ».

Еще в 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь писал: «Первые взрывы и попытки производятся обыкновенно людьми отчаянно дерзкими, какими производятся мятежи в обществах. Они видят несвойственные формы, несоответствующие нравам и обычаям правила и ломаются напролом чрез все. Они не видят границ, ломают без рассуждения все и всегда, и, желая исправить несправедливость, они в обратном количестве наносят столько же зла» [16, т. 7, с. 503].

Именно это раннее суждение об «отчаянно дерзких», «опрометчивых» людях Гоголь много лет спустя повторил, почти без изменений, в первой главе второго тома «Мертвых душ», рассказывая историю вольнодумства помещика Тентетникова (в первоначальной редакции Дерпенникова).

Как замечает в заключительной главе второго тома один из героев, Дерпенников, сосланный в Сибирь, был осужден за «преступление против коренных государственных законов, равное измене земле своей» [16, т. 5, с. 478]. Другой герой поэмы на это замечает, что юноша «по неопытности своей был оболещен и сманен другими» [16, т. 5, с. 478]. По свидетельству современников, в Сибирь Гоголь даже намеревался перенести само действие поэмы (см.: [13, т. 6, с. 337; 13, т. 7, с. 114, 176, 179]).

Повторением размышлений 1836 г. о недовольных возмутителях, желающих «исправить несправедливость», но наносящих «в обратном количестве» «столько же зла», стало упоминание во втором томе поэмы о двух «огорченных людях» в числе петербургских приятелей Тентетникова: «В числе друзей Андрея Ивановича попало два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправед-

ливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые поначалу, но беспорядочные сами в своих действиях, они исполнены нетерпимости к другим» [16, т. 5, с. 379].

Эта характеристика Тентетникова еще раз обращает к ранним произведениям Гоголя. Очевидным идейным «прототипом» Тентетникова в его творчестве является герой раннего драматического «Отрывка» — извлеченного в 1842 г. из сцен незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени» (1832–1834).

По словам рассказчика, Тентетников, вовлеченный в «неразумное дело», «скоро спохватился» и из круга «огорченных людей» выбыл [16, т. 5, с. 262]. В несохранившемся фрагменте второй главы второго тома «Мертвых душ» он «с прекрасным увлечением» говорил о самопожертвовании русских людей в войне 1812 г., о том, что «весь народ встал как один человек на защиту отечества» [13, т. 6, с. 338, 342].

Подобно Тентетникову, ранний герой Гоголя тоже произносит (в черновой редакции «Отрывка») вдохновенный монолог о способности русского человека «пожертвовать всем имуществом» и самой жизнью (лейтмотив всех размышлений Гоголя о 1812 г.) и противопоставляет этому главному свойству национального характера деятельность декабристов — «пятидесяти русских пустых голов, воспитанных на французскую ногу», увлеченных, по словам героя, «оторванной от всего мыслью, созданной наскоро в легкой голове француза» [15, т. 5, с. 424, 127].

Позднее, в 1845 г., в статье «Занимающего важное место» Гоголь, имея в виду декабристов, также замечал: «Слава Богу, уже прошли те времена, чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство» [16, т. 6, с. 146]. Очевидно, что Гоголь лишь повторял здесь то, о чем, почти в тех же выражениях, рассуждал ранее герой «Отрывка».

Но объединяют героев «Отрывка» и второго тома «Мертвых душ», увы! не только их патриотические чувства, но и — одинаковое безволие. Гоголевская ирония в «Отрывке» заключается в том, что увлеченно проповедующий верность долгу и чувство «непостижимой любви к царю» герой [15, т. 5, с. 127] Михал Андреевич, или просто Миша, на деле во всем подчиняется своей «маменьке», светской даме Марье Александровне, — одной из «вредных обществу» законодательниц светского образа жизни с его этикетами, пустыми лицемерными обычаями, европейской развращающей роскошью

и пр. [16, т. 6, с. 185] — всего того, что, по убеждению Гоголя, губительно для России, и не в меньшей мере, чем декабризм. «Вы рассмотрите, когда и в чем я был не послушен вам», — неожиданно завершает Миша свой вдохновенный монолог [15, т. 5, с. 425]. «Болезнь воли», непоследовательность, подверженность дурным мнениям и соблазнам, вполне хлестаковское отсутствие «царя в голове» — отличительные черты «лишнего человека», определяющие характеры этих «разновременных» героев Гоголя. Будучи на словах верны памяти 1812 г., они так или иначе оказываются причастны мятежному либерализму.

Сходные мотивы встречаются у Гоголя — в похожем контексте — и в первом томе «Мертвых душ», во вставной «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе. Здесь излагается история еще одного «лишнего человека» — отважного капитана Копейкина, участника Отечественной войны 1812 г., ставшего впоследствии — по невздержности к чужеземным соблазнам и вследствие «распеканья» важного генерала — прямым врагом Отечества — опустошающим «казенный карман» разбойником. Двойственное отношение автора к герою «Повести о капитане Копейкине» — персонажу, заслуживающему не только сострадания, но и порицания, как «бунтовщика», — много лет спустя верно подметил Достоевский. По поводу разбойных нападений «атамана» Копейкина «на одно только казенное» он замечал: «Страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видеоизменениях... <...> И все-то на казну и на общественное достояние зубы точат» [18, т. 27, с. 12].

Несомненный «двойник» бегущего за границу, «в Соединенные Штаты» капитана Копейкина — «оппозиционер» и предатель родины Андрий в «Тарасе Бульбе», настигаемый отцовским возмездием.

«Лишним человеком», не способным достойно реализовать себя в Отечестве, является также «бунтующий» герой еще одного раннего произведения Гоголя — повести «Записки сумасшедшего» (1834). Этот вполне «огорченный человек» носит многозначительную фамилию Поприщин, однако мечтает он не о «законном поприще», на котором может «сослужить службу» «земле своей» [16, т. 6, с. 37, 224, 241], а о дочери начальника (подобно грезящему о панночке Андрию), заполняет свой досуг посещением театров, гуляний, любовными стишками, а еще более — лежанием на кровати. По замыслу автора, он являет собой результат *собственного* нежела-

ния возрастать в назначенном служении. В статье «Страхи и ужасы России» (1846) Гоголь писал: «Служить <...> теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» [16, т. 6, с. 131]. Вопреки этому убеждению, Поприщин предпочитает оставаться «вечным титулярным советником» [16, т. 3–4, с. 117] — чиновником, «очинивающим перья для его превосходительства» [16, т. 3–4, с. 158]. Несмотря на все свое тщеславие, доводящее его до «вольнодумных» мыслей о собственном «королевском» величии, герой не предпринимает ровно ничего для того, чтобы перейти хотя бы на следующую ступень служебной лестницы. Избегает он этого потому, что по существовавшим с 1809 г. правилам для получения следующего чина, коллежского асессора, требовалось посещение лекций и сдача университетского экзамена¹. (Предшествующие званию титулярного советника чины шли «сами по себе», давались за выслугу лет.) Эту тему Гоголь не раз поднимал в своих повестях. Например, тщеславный «майор» Ковалев в повести «Нос», стремясь из титулярных советников, отправляется даже на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов.

В 1844 г. Гоголь обращался к поэту Языкову: «На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви! Гнева — противу того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам» [16, т. 6, с. 70]. Кроме сумасшедшего «бунтаря» Поприщина, Гоголь изобразил в своих произведениях еще несколько «бедных», «вечных титулярных советников», заслуживающих одновременно и сострадания, и обличения. Это и демонический мститель Башмачкин в «Шинели», и равный ему по чину мститель-«атаман» капитан Копейкин (армейский чин ка-

1 1809. Августа 6. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры и Статские Советники // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. <1 собр.>. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054–1057. Главной причиной издания указа 1809 г. явилось «малое число учащихся» в университетах и то, что дворянство «в сем полезном учреждении менее других» принимало участия (Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 30. С. 1054). «Пассивная забастовка» дворянства объяснялась реакцией на общесловный принцип образования, введенный уставом 1804 г. [1, с. 729]. Для обучения чиновников указом 1809 г. было определено «в тех городах, где находятся университеты», открыть ежегодные курсы, продолжавшиеся с мая по октябрь, на которых занятия полагалось начинать «не ранее 2 часов пополудни, дабы утро могло быть употребляемо на исправление дел службы» (Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. Т. 30. С. 1054, 1056–1057).

питана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника — «титулярный тот же капитан» [15, т. 5, с. 366]). Прямая «копия» «крадущего шинели» «переписчика» Башмачкина — замешанный в «неразумном деле» столь же незначительный «переписчик» Тентетников (о котором местный капитан-исправник замечает: «Да ведь чинишка на нем — дрянь...» [16, т. 5, с. 244]).

В 1834 г. с целью привлечь многочисленных титулярных советников — «поприщинных» и «башмачкиных» — к повышению образовательного уровня (и социального статуса) новый министр народного просвещения С.С. Уваров издал специальный указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников»². «Беспристрастное испытание <...> чиновников, требующих назначенным Указом 6 августа 1809 года аттестатов, — писал Уваров, — есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств»³. Незадолго до этого, в 1832/33 учебном году, из подвергавшихся испытанию чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека⁴. Обо всем этом Гоголь узнавал из первых номеров «Журнала Министерства Народного Просвещения» 1834 г. Получив первый номер журнала, он писал его редактору К.С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» [16, т. 10, с. 238–239].

Судьба «огорченных людей» и сама проблема «оппозиционности» «лишнего человека» занимала Гоголя еще со школьной скамьи. Слабовольного «маленького человека», ропщущего на свой незавидный удел — и на обманувший его надежды «ненавистный, слабоумный» свет [16, т. 7, с. 44],

2 1834. Генваря 23. О допущении к слушанию Университетских лекций служащих и не служащих Чиновников // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. XVII.

3 1833. Маия 27. Статьи, на которые, по циркулярному предложению Г. Управляющего Министерством, Гг. Попечители и Помощники Попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении Учебных Округов // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. LXV.

4 [Бутырский Н.И.] Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. 48.

он вывел еще в 1827 г. в юношеской поэме «Ганц Кюхельgarten». В этой поэме он противопоставил исполненного «могучих сил» идеального, «Небом избранного» деятеля — отважно преодолевающего все препятствия и не внемлющего «мишурному» блеску славы, — рядовому обывателю, не имеющему «железной воли», однако предающемуся, несмотря на недостаток сил и талантов, «коварным мечтам». Таким представителем «слабых» мечтателей является главный герой поэмы Ганц Кюхельgarten, который тщеславно, «не по праву» соблазняется лучшей участью. Во избежание огорчений и ропота, Гоголь назначает герою более доступное поприще: «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» [16, т. 7, с. 45–46, 49].

Несомненен автобиографический характер этих литературных образов юного Гоголя. В год создания «Ганца Кюхельgartена» он писал своему двоюродному дяде Петру П. Косяровскому: «Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние» [16, т. 10, с. 74].

Как известно, в Петербург Гоголь приехал с чрезвычайно широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Однако ему предстояло начать свою деятельность с низших ступеней чиновничьей лестницы. Это очень болезненно отразилось на его юношеском честолюбии. Еще более страх «не означить своего существования» в мире [16, т. 10, с. 74] — «Себя обречь бесславью в жертву, / При жизни быть для мира мертву» [16, т. 7, с. 28] — был подхлестнут в Петербурге неудачей с его первым литературным произведением — тем самым «Ганцом Кюхельgartеном». Опубликованная летом 1829 г. под псевдонимом «В. Алов» поэма получила в журналах уничижительные рецензии, и Гоголь, купив имевшиеся у книгопродавцев экземпляры, сжег их. Можно представить, как к честолюбивым желанием юноши после случившейся с ним литературной неудачи с необходимостью присоединяется ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника — в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели» (ранние письма Гоголя из Петербурга полны переключек с этой повестью; см.: [7]). Отсюда в полную силу вступает начатое Гоголем еще в школьные годы преодоление себя, восхождение по духовной «лестнице».

Когда нахлынувшие страхи немного улеглись, Гоголь 24 июля 1829 г. пишет матери, что Бог указал ему особый путь, чтобы он мог «воспитать свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности»: «Чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать благо и работать на пользу мира» [16, т. 10, с. 110].

Противопоставление исполненного «могучих сил» деятеля и слабого, ропщущего обывателя Гоголь повторяет и в 1836 г. в статье «Петербургская сцена...», в упомянутой многозначительной характеристике «отчаянно дерзких» людей, которыми «производятся мятежи в обществах». Устроителям «мятежей» он, как и в «Ганце Кюхельгартене», противопоставляет в статье «великого творца», который из доставшегося ему «хаоса» «спокойно и обдуманно творит новое здание, обнимая своим мудрым двойственным взглядом ветхое и новое» [16, т. 7, с. 503]. Применительно к литературе Гоголь представляет эту коллизию как неоспоримое превосходство великого, гениального «классика» над посредственными «романтическими» талантами: «Много писателей <...> романтической смелостью даже изумляли <...> не имевшее время одуматься общество. Но как только из среды их выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойствием художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание» [16, т. 7, с. 503].

В полном соответствии с этим противопоставлением творца-«классика» посредственным «романтическим» мечтателям Гоголь еще со школьных лет критически относился и к прельщавшим современников «байроническим» чертам одного из первых «лишних людей» в русской литературе, Евгения Онегина — героя, сочетающего в себе, подобно английскому прототипу, «гениальную» избранность и разочарованную оппозиционность. Как уже упоминалось, Белинский истолковывал «эгоистический» характер пушкинского героя исключительно апологетически. Но Гоголь еще в 1828 г., будучи в школе, с одобрением прочел в «Московском Вестнике» первую печатную работу славянофила И.В. Киреевского, статью «Нечто о характере поэзии Пушкина», где Онегину был вынесен приговор как «существу совершенно обыкновенному и ничтожному»: «Эта пустота главного героя была, может быть, одною из причин пустоты содержания первых пяти глав романа...»⁵

5 [Киреевский И.В.] 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский Вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 191–192.

Возможно, именно отзыв Киреевского о «пустоте содержания первых пяти глав» «Евгения Онегина» имел в виду позднее, в статье «Несколько слов о Пушкине», Гоголь, когда замечал, что «последние» пушкинские поэмы, где поэт «погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников», — эти поэмы «уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него все, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия» [16, т. 7, с. 275–276]. С приговором Ивана Киреевского, вынесенным пушкинскому произведению, Гоголь, очевидно, был не согласен. Напротив, он подчеркивал еще большее, сравнительно с прежним, искусство Пушкина, сумевшего в новых поэмах из «обыкновенного» извлечь «необыкновенное»: «Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное...» [16, т. 7, с. 277]. Однако в оценке самого выведенного Пушкиным типа — Евгения Онегина — Гоголь с Киреевским был единомышлен. Служившие предметом подражания «увлекательные» черты Онегина (искусно изображенные Пушкиным, но не достойные одобрения) Гоголь впоследствии кардинально переосмыслил и переименовал в образе «пустейшего, ничтожнейшего мальчишки» Хлестакова в «Ревизоре» (см.: [6, с. 300–312]).

Словом, проблема «лишних», «огорченных людей» предстает в творчестве Гоголя как одно из многочисленных преломлений темы «мертвых душ» — «мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей» [16, т. 3–4, с. 469]. С самых первых своих произведений Гоголь, поднимая тему «маленького человека», выступает с обличением «пошлых», мелких «бунтарей», находящихся в непрекращающейся «ссоре» между собой и с миром, — «духовных недорослей», небрежущих об умножении своих талантов и не помышляющих — как следовало бы, согласно чтимому Гоголем Иоанну Лествичнику⁶, — о восхождении по «лестнице» добродетелей, до Господня «возраста».

Гоголевское критическое отношение к «лишним людям» определяется размышлениями о самом призвании человека, о смысле его жизни. Еще более это отношение уясняется из той задачи, которая была поставлена в 1832–1834 гг. перед русским обществом министром Уваровым. Хорошо из-

6 См.: [13, т. 1, с. 223–224, 693–694; 13, т. 2, с. 32–33, 248].

вестно, что в те годы в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Проводимый министром по инициативе Императора правительственный курс оказался глубоко созвучен современникам, в том числе Пушкину и Гоголю [8]. Возобладал начатый еще А.С. Шишковым, курс национально ориентированной политики в области образования — в отличие от противоположной «космополитической» деятельности на ниве просвещения министров А.Н. Голицына и К.А. Ливена. Для Гоголя этот поворот государственной политики органично «совпал» с его собственными, внутренними устремлениями как художника, придав им новую силу — «официальное» одобрение и поддержку. Поставленная Уваровым задача духовного единения и развития страны сразу напомнила Гоголю главные «болевы́е точки» отечественного прошлого и настоящего, обнажила те проблемы, которые следовало решать, осуществляя эту общенациональную программу. Самыми важными задачами монарха Гоголь считал преодоление бесконечных ссор и нестроений — а также всемерную поддержку духовного и профессионального возрастания его подопечных — и даже воспитание их святости. В позднейшей статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал: «Все события в нашем отечестве <...> видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах <...> вооружить каждого <...> высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку <...> воздвигнуть в себе <...> брань всему невежественному и темному, <...> чтобы <...> мог <...> один <...> устремить, как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» [16, т. 6, с. 46–47]. Именно в инициативах Уварова, в утверждении им основ Православия, Самодержавия, в провозглашении Народности русской литературы [13, т. 2, с. 284–285], берет свое начало замысел задуманных в 1835 г. «Мертвых душ» [11; 12]. Вскоре по созданию «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь писал матери: «У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего» [16, т. 10, с. 227] (письмо от 2 октября 1833 г.). О подобных христианах лишь по имени — «Вем твоя дела, яко имя имаши яко жив, а мертв еси» (Откр. 3: 1) — Гоголь непосредственно размышлял при создании своей поэмы, желая, по его собственным словам, получить за это «ободрение и помощь от правительства» [16, т. 12, с. 21] (письмо Гоголя к С.С. Уварову 1842 г.).

Широко известны слова Пушкина о герое «Кавказского пленника»: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [19, с. 52] (письмо к В.П. Горчакову 1822 г.). Сходное выражение употребил позднее в одной из своих статей известный поэт и критик, друг Пушкина и Гоголя, славянофил С.П. Шевырев. Статья, написанная им в 1841 г., была посвящена только что появившемуся тогда роману Лермонтова «Герой нашего времени». «Преждевременная старость души», изображенная впервые Пушкиным в «Кавказском пленнике», получила в интерпретации Шевырева 1841 г. определение «собачьей старости» — по народному названию детского заболевания, при котором больной становится похож на старую собаку (медицинское название болезни — прогерия). Имея в виду Печорина, Шевырев писал: «Что ж это за мертвец 25-летний, увядший прежде срока? Что за мальчик, покрытый морщинами старости? <...> Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости... <...> Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. <...> Главный <...> корень всему злу — западное воспитание, чуждое всякого чувства веры»⁷.

Парадоксально, но именно негативные черты созданных Пушкиным и Лермонтовым «байронических» типов стали в светском обществе предметом «культового» подражания. В 1880 г. Достоевский писал: «Пушкин первый <...> отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества... <...> Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецькие... <...> Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаением болезни нашей...» [18, т. 26, с. 129–130].

Вслед за Пушкиным свой диагноз болезни «лишних людей» составил и Гоголь. Причем эту болезнь писатель наблюдал не только в убежденных западниках, но порой и в своих близких друзьях-славянофилах. Так, по поводу увлечения Константина Аксакова немецкой схоластикой он, в частности, замечал: «Черты ребячества и черты собачьей старости будут в

7 Шевырев С. Герой нашего времени // Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2. С. 527–529, 532.

нем попадаться беспрестанно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» [16, т. 12, с. 545].

Возможно, Гоголю было известно приведенное выше определение Шевыревым лермонтовского Печорина как больного, страдающего «собачьей старостью». Однако Гоголь, вынося сходный приговор «немецкому» схоластизму Аксакова, обнаружил прямую связь этого народного выражения с образом одного из собственных произведений — «Мертвых душ».

О диссертации Аксакова Гоголь писал: «Тут иногда мысли то же, что короткие ноги в больших сапогах, так что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смешно, что на ней большой сапог. <...> Там есть очень много того, что похоже на короткую ногу в большом сапоге...» [16, т. 12, с. 544–545].

Сходный образ встречается в описании имения Плюшкина в первом томе поэмы: «Наконец дверь отворилась, и вошел Прошка <...> в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. <...> Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги... <...> Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время <...>, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удастся выделывать на театрах самому бойкому танцовщику» [16, т. 5, с. 120].

Сапоги не ради сбережения «собственной подошвы», а лишь напоказ — эту примету «просвещенности» Гоголь изобразил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Заколдованное место», герой которой тоже пользуется сапогами не по прямому их назначению, но исключительно для соответствия приличиям «порядочного общества» (см. подробнее: [6, с. 87–88]): «А дождь пустился, как будто из ведра. Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покоробились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец» [16, т. 1–2, с. 274–275].

Понятие «собачьей старости» применимо и к самому Плюшкину — и именно как характерная черта западного влияния (см. подробнее: [9, с. 543–544; 10]). В черновой редакции «Мертвых душ» в описании плюшкинского дома встречается следующее упоминание о Европе: «Дождь и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них

множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу...» [15, т. 6, с. 305]. «Ключевым» в образе Плюшкина является его комната, заваленная хламом. Позднее по поводу разносчика, «забросавшего комнату товарами», Гоголь сказал: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать» [13, т. 6, с. 556]. Сходным образом в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он писал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу» [16, т. 6, с. 195].

Известно, что изображение плюшкинской «собачьей старости» прямо обращено — как предупреждение — к вступающему в свет юноше: «Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» [16, т. 5, с. 124]. Как бы подытоживая эти размышления, Гоголь писал позднее в статье «Христианин идет вперед» (1846): «Пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. <...> У них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности...» [16, т. 6, с. 54].

Позднейшее суждение Гоголя о подверженности западному развращающему влиянию как «собачьей старости» дошло до нас в дневниковой записи Е.А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости» [13, т. 6, с. 580]. По-видимому, это окончательный приговор Гоголя тому слепому подражанию западному, «старящему» образу жизни, которым было заражено юное «онегинское» общество в XIX в.

Отсюда следует вывод, применимый ко всему гоголевскому творчеству. Все стремления Гоголя как писателя, пафос всех его произведений направлены не к изменению политической системы общества — в угоду требованиям «лишнего», «огорченного» человека, духовного «недоросля», но обращены к жизни каждого христианина по христианским заповедям.

Список литературы

- 1 *Алешинцев И.А.* Записка графа Сперанского «Об усовершеннии общего народного воспитания» // Русская Старина. 1907. № 12. С. 729–735.
- 2 *Б[асисто]в П.Е.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В двух томах. С портретом Н.В. Гоголя. Санкт-Петербург. 1856. Статья вторая // Отечественные Записки. 1856. № 11. Отд. 2. С. 15–52.
- 3 *Белинский В.Г.* Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 6: Статьи и рецензии 1842–1843. С. 351–365.
- 4 *Белинский В.Г.* Статья восьмая. «Евгений Онегин» // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843–1846. С. 431–472.
- 5 *[Введенский А.И.] W.* Литературные типы русской интеллигенции. IV. Гоголевские типы // Новое Время. 1889. 23 авг. № 4843. С. 2–3.
- 6 *Виноградов И.А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.
- 7 *Виноградов И.А.* «Я брат твой». О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики (Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр). Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. Вып. 3. С. 214–239.
- 8 *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и С.С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н.В. Гоголя: в 2 ч. М.: Русское слово, 2009. Ч. 2. С. 184–227.
- 9 *Виноградов И.А.* «Дело, взятое из души...» // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 5. С. 543–544.
- 10 *Виноградов И.А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.
- 11 *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18.
- 12 *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.

- 13 *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
- 14 [Говоруха-Отрок Ю.Н.] *Николаев Ю.* Еще о Гоголе. По поводу статьи г. Розанова «Несколько слов о Гоголе», *Московские Ведомости*, № 46 // *Московские Ведомости*. 1891. 16 февр. № 74. С. 5.
- 15 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937–1952. 1949. Т. 5. 512 с.; 1951. Т. 6. 924 с.
- 16 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
- 17 *Градовский А.* Мечты и действительность. (По поводу речи Ф.М. Достоевского) // *Голос*. 1880. 25 июня. № 174. С. 1–2.
- 18 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. 1984. Т. 26. 520 с.; 1984. Т. 27. 464 с.
- 19 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. 651 с.
- 20 *Розанов В.* Несколько слов о Гоголе. (По поводу статьи г. Ю. Николаева: «Нечто о Гоголе и Достоевском», *Московские Ведомости*, № 26, «Литературные заметки») // *Московские Ведомости*. 1891. 15 февр. № 46. С. 4.

References

- 1 Aleshintsev I.A. Zapiska grafa Speranskogo “Ob usovershenii obshchego narodnogo vospitaniia” [A note by Count Speransky “On the improvement of general public education”]. *Russkaia Starina*, 1907, no 12, pp. 729–735. (In Russ.).
- 2 B[asisto]v P.E. Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil’evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem. V dvukh tomakh. S portretom N.V. Gogolia. Sankt-Peterburg. 1856. Stat’ia vtoraia [Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, composed of memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters. In 2 vols. With a portrait of N.V. Gogol. St. Petersburg. 1856. Article two]. *Otechestvennye Zapiski*, 1856, no 11, section 2, pp. 15–52. (In Russ.)
- 3 Belinskii V.G. Literaturnyi razgovor, podslushannyi v knizhnoi lavke [Literary Conversation, Overheard in the Bookshop]. In: Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6: Articles and Reviews 1842–1843, pp. 351–364. (In Russ.)
- 4 Belinskii V.G. Stat’ia vos’mia. “Evgenii Onegin” [Article eighth. *Eugene Onegin*]. In: Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6: Articles and Reviews 1843. Articles about Pushkin 1843–1846, pp. 431–472. (In Russ.)

- 5 [Vvedenskii A.I.] W. Literaturnye tipy russkoi intelligentsii. IV. Gogolevskie tipy [Literary types of the Russian intelligentsia. IV. Gogol types]. *Novoe Vremia*, 1889, 23 August, no 4843, pp. 2–3. (In Russ.)
- 6 Vinogradov I.A. *Gogol' – khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [Gogol as an artist and a thinker: Christian foundations of the worldview]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
- 7 Vinogradov I.A. "Ia brat tvoi". O povesti N. V. Gogolia "Shinel'" ["I am your brother." On Gogol's novella *Overcoat*]. *Problemy istoricheskoi poetiki (Vyp. 6: Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, suzhet, zhanr). Sbornik nauchnykh trudov* [The problems of historical poetics. Issue 6: The Gospel text in the Russian literature of the 18–20th centuries. Quotation, reminiscence, motive, plot, and genre. Collection of essays]. Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk University Publ., 2001, issue 3, pp. 214–239. (In Russ.)
- 8 Vinogradov I.A. N.V. Gogol' i S.S. Uvarov: Pravoslavie, Samoderzhavie, Narodnost' [N.V. Gogol and S.S. Uvarov: Orthodoxy, Autocracy, and Nationality]. *Dukhovnyi put' N.V. Gogolia: v 2 ch.* [Spiritual path of N.V. Gogol: in 2 parts]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2009, part 2, pp. 184–227.
- 9 Vinogradov I.A. "Delo, vziatoe iz dushi..." ["A thing taken from the soul..."]. *Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 5, pp. 543–544. (In Russ.)
- 10 Vinogradov I.A. Gogol' o poezii i skholastike (K avtorskomu opredeleniiu zhanra "Mertvykh dush") [Gogol on poetry and scholasticism. (On the author's definition of the genre of *Dead Souls*)]. *Tvorchestvo N.V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia. Sb. nauchnykh statei po materialam Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 23–24 marta; Vena, 26–27 marta 2015 g. / Departament kul'tury g. Moskvy; "Dom Gogolia – memorial'nyi muzei i nauchnaia biblioteka"*; ed. V.P. Vikulova [Creativity N. Gogol and European culture. Fifteenth Gogol readings. Collection of conference proceedings. Moscow, March 23–24, Vienna, March 26–27, 2015. Department of Culture of Moscow; "Gogol's house, a memorial museum and a library," ed. V.P. Vikulova]. Moscow, Novosibirsk Publishing House Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)
- 11 Vinogradov I.A. Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu "Mertvykh dush" [Blessed are the Peacemakers. From the Story of Two Ivans to the Idea of the *Dead Souls*]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologiya*, 2017, no 3, pp. 7–18. (In Russ.)
- 12 Vinogradov I.A. Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu "Mertvykh dush" (prodolzhenie) [Blessed are the Peacemakers. From the Story

- of Two Ivans to the Idea of the *Dead Souls* (Continuation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2017, no 4, pp. 51–67. (In Russ.)
- 13 Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of Gogol's life and work (1809–1852). Including a family tree chronicle (1405–1808): in 7 vols.]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
- 14 [Govorukha-Otrok Iu.N.] Nikolaev Iu. Eshche o Gogole. Po povodu stat'i g. Rozanova "Neskol'ko slov o Gogole", *Moskovskie Vedomosti*, № 46 [More about Gogol. Concerning the essay by Mr. Rozanov "A few words about Gogol," Moscow Gazette, no 46]. *Moskovskie Vedomosti*, 1891, February 16, no 74, p. 5. (In Russ.)
- 15 Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1952. 1949. Vol. 5, 512 p. 1951. Vol. 6. 924 p. (In Russ.)
- 16 Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters: in 17 vols. (15 books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
- 17 Gradovskii A. Mechty i deistvitel'nost'. (Po povodu rechi F.M. Dostoevskogo) [Dreams and reality. (About Dostoevsky's speech)]. *Golos*, 1880, June 25, no 174, pp. 1–2. (In Russ.)
- 18 Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. 1984. Vol. 26. 520 p. 1984. Vol. 27. 464 p. (In Russ.)
- 19 Pushkin. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937. Vol. 13. 651 p. (In Russ.)
- 20 Rozanov V. Neskol'ko slov o Gogole. (Po povodu stat'i g. Iu. Nikolaeva: "Nechto o Gogole i Dostoevskom", *Moskovskie Vedomosti*, № 26, "Literaturnye zametki") [A few words about Gogol. (On the essay by Mr. Yu. Nikolaev: "Some thoughts about Gogol and Dostoevsky," Moscow Gazette, no 26, "Literary Notes")]. *Moskovskie Vedomosti*, 1891, February 15, no 46, p. 4. (In Russ.)